

И. И. ДАВЫДОВ

Возможна ли у нас германская философия?

<...> В таком состоянии застаёт философию Шеллинг, призванный гением ее исследовать совершенно противоположную сторону Фихте. Шеллинг выходит из круга, начертанного Кантом; но он не довольствуется наблюдением нашего *я* и *не-я* в точке их соприкосновения, или в знании; его не удовлетворяет ни отдельное, ни совместное рассмотрение этих элементов всякого знания: он ищет начала, превышающего тот и другой элемент. Умозрение приводит его к так называемому началу абсолютному, или верховному и безусловному, в котором, как в третьем члене, сливаются два противоположные члена знания. Потом он показывает, каким образом та и другая противоположность освобождаются из тождественного слияния, совершают различные проявления и развития, взаимно соответственные. Совокупность идей Шеллинга оставляет полную систему философии, именно философию безусловного, где дух и природа взаимно объясняются и все их явления совокуплены в одной системе законов. Такова цель всех усилий Шеллинга, хотя он не достиг ее совершенно: от него ум получил вдохновение и указание пути к желаемой философии безусловного, но сам он не положил твердой основы этой философии. Станем ли обвинять его в самом методе учения, поэтическом и не совсем определенном, которым заменил он строгое и дидактическое учение Канта? Уму, утомленному последованием за Фихте в пространствах идеализма, не нужно ли было низойти на землю, снова взяться за действительность и вещество? Несмотря на всю роскошь поэтического вдохновения, философия Шеллинга собственно есть философия природы. В этой области он тоже сделал, что Фихте в области духа. Наука природы, или мира видимого, по его учению, приведена в стройный организм.

Наконец слава полной системы философии принадлежит Гегелю. Мы сказали, что Фихте органически развил философию духа, а Шеллинг философию природы; Гегель же соединил в одно целое ту и другую философию, эти две части философии, до него отдельные, различные. Помощью формул своих, неразрывно между собою связанных, этот ум, обширный, глубокий и диалектический в высочайшей степени, построил вновь все идеи, все учения, до него как бы враждебные. Всесильною логикою своей сплавил он в одну массу идеализм, критицизм, искусство, природу, религию, закон, историю. Из этого образовалось целое если не совсем однородное, по крайней мере столь связанное во всех частях, что невозможно решить, вылилось ли оно за один прием или составилось из разных частиц. В этом великая заслуга наук Гегелева. Метод у него вошел в права свои; все философские науки собрались в один цикл и составили органическое целое. Таким образом, основана система, в которой заключаются Кантов критицизм, Фихтев идеализм и натурализм Шеллинга. В философии Гегеля два главные предмета обращают на себя все наше внимание: основание и система. Основанием философии его служит единство, бытие, безусловное, идеи — слова, в языке его однозначительные. Система состоит в законе, связывающем все проявления этого единства: оно, приходя от покоя в движение, ему свойственное, проявляется в различных фазах, изменяется, ограничивается, определяется. В развитии системы особенно показал Гегель всю силу своего ума. Истинное призвание его было возратить философии форму науки. У него не было в высокой степени дара изобретения; между основными мыслями мало найдется таких, которые бы ему собственно принадлежали: взамен этого, он изумляет диалектикой. До него философия долго не знала определенного пути; возвышеннейшие идеи, важнейшие вопросы человеческого знания не имели средоточия и оттого не действовали на отдельные отрасли ведения. Гегель привел их в одно целое, в полный, живой организм. Разрушив существовавшие до него системы, построил из обломков собственную систему, переплавив все в логику своей и связав все части системы могучими силлогизмами. По направлению ума и способностям в новой философии Гегель то же в отношении к Шеллингу, что в древней Аристотель¹ в отношении к Платону. Творчество, поэтическое вдохновение, увлекательное слово принадлежат равно Платону и Шеллингу; сила судительная, утонченнейшая диалектика и язык математический — свойства Аристотеля и Гегеля. Отличие Аристотеля и Гегеля в отношении к их учителям.

лям состоит в том, что первый изменил воззрение Платона, а второй развил и утвердил все основные истины Шеллинга. Гегелево единство, из которого развивается двойство, сливающееся в единство, есть не иное что, как Шеллингов дуализм. Тот и другой принимал Платоновы идеи за живые сущности, которые последовательным и непрерывным движением проявляются в различных формах действительности. По учению Шеллинга и Гегеля, идея и действительность нераздельны, тождественны; невозможно предполагать идеи вне действительности или действительности без идеи. Бытие не может быть без проявления и, наоборот, проявление без бытия; напротив, бытие есть идея, сущность, а действительность есть проявление идеи. С этой точки зрения должно начинать сравнительное изучение двух великих мыслителей — Шеллинга и Гегеля: и тут-то открывается, что ученик исповедует мысль учителя. <...>

